

Р.В. Иванов-Разумник

Писательские судьбы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Р11

Р11 **Р.В. Иванов-Разумник**
Писательские судьбы / Р.В. Иванов-Разумник – М.: Книга по Требованию, 2021. – 50 с.

ISBN 978-5-4241-2734-2

Воспоминания о Фёдоре Сологубе, Николае Клюеве, Сергее Есенине, размышления о судьбах русских писателей и поэтов в послеоктябрьской России.

ISBN 978-5-4241-2734-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Р.В. Иванов-Разумник, 2021

Иванов-Разумник Р
Писательские судьбы

Р. Иванов-Разумник
ПИСАТЕЛЬСКИЕ СУДЬБЫ
ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия
Две жизни султана Махмуда
Несколько слов о самом себе
Федор Сологуб

I. Погибшие
II. Задушенные
III. Приспособившиеся
Николай Клюев
Лакейство
Фантастическая история
"Пролетарская литература" и
"социалистический реализм".
Советская литература:

I. Поэзия

II. Проза

РАЗУМНИК ВАСИЛЬЕВИЧ ИВАНОВ

- литературное имя: Р. Иванов-Разумник (1878-1946).

Его основная работа - "История русской общественной мысли", в двух томах, 1907 г. Автор следующих работ: "Что такое махаевщина?", ПБ 1908; "Лев Толстой", 1912; "Две России", ПБ, 1918; "Что такое интеллигенция?", Берлин, 1920; "Книга о Белинском", ПБ, 1923; "Русская литература от 70-х годов до наших дней", Берлин, 1923. Был редактором ряда собраний сочинений и воспоминаний (литературно-биографические сопроводительные статьи и комментарии) - Собрание сочинений В. Г. Белинского (ПБ 1911), Собрание сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина (М. 1926-27), Воспоминания И. Панаева (Ленинград, 1928), Воспоминания Аполлона Григорьева (М. 1930), М.Е. Салтыков-Щедрин (1930).

В 1917 году Р. Иванов-Разумник был одним из редакторов "Дела народа", ежедневной газеты, центрального органа партии с.-р. Осенью 1917 г. Перешел к левым с.-р.-ам, работал в литературных органах партии левых эсеров и в их издательстве "Скифы" (сначала существовавшем в Петербурге, затем в Берлине). В период 1921-1941 гг. многократно советскими властями был арестован, сидел по разным тюрьмам, был в ссылке. Период "ежовщины" (1937-1938гг.) провел в московских тюрьмах, где через его камеры прошло свыше 1000 человек.

В августе 1941 г. Был освобожден и смог вернуться к себе в г. Пушкин (б. Царское Село) - до занятия этого города немцами в октябре 1941 года. Был вывезен весной 1942 г. В Германию и вместе с женой помещен за колючую проволоку в лагере г. Кониц (Пруссия), где они пробыли до лета 1943 г.

Летом 1943 г. им удалось выбраться в Прибалтику и поселиться там у родственников. Весной 1944 г. вернулись в Кониц, жили на частной квартире. В марте 1946 г. скончалась жена Р.Иванова-Разумника, а 9 июня 1946 г. скончался и Р.Иванов-Разумник в Мюнхене, где он поселился у своих родственников. За годы пребывания в Германии Р.Иванов-Разумник много писал, торопясь записать все пережитое и задуманное, но большая часть написанного при трагических обстоятельствах того времени погибла. Несколько очерков литературно-истори-

ческого характера было напечатано в берлинской русской газете того времени "Новое Слово" (ред. В. Деспотули), с добавлениями и искажениями редактора. Они должны были составить отдельную книгу "Писательские судьбы", которая была подготовлена Р.Ивановым-Разумником к печати - она ныне и публикуется со специально написанной для нее Р.Ивановым-Разумником вводной статьей - "Вместо предисловия" и поправками самого Р.Иванова-Разумника. Кроме того им были написаны "Холодные наблюдения и горестные заметы" (о большевистских и немецких зверствах - эта работа была закончена и уже набиралась в типографии, когда в нее попала бомба - набор и рукопись сгорели), "Письма без адресатов" - большая книга, собрание статей на разные темы судьба этой рукописи до сих пор не выяснена. Сохранились и вывезены в Америку две рукописи: "Тюрьмы и ссылки" (около 500 страниц пишущей машинки) и "Оправдание человека" или "Антроподицея" - построение новой религии человечества; работа культурно-философского характера. Обширные отрывки из воспоминаний "Тюрьмы и ссылки" были опубликованы в "Социалистическом Вестнике" - № 8-9" 10, 11 и 12 за 1949 г. и № 1-2 за 1950 год.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Время ли, стоит ли говорить о писательских "судьбах", о "фантастических историях", когда мировой историей поставлен вопрос о судьбах народов, об участи целого мира?

Какая малая волна, какая ничтожная капля в народном море - писатели; малые тысячи среди многих миллионов!

И добро бы это была русская литература той поры, когда была она "светом мира", когда писатели были "солью земли" ...

Но литература минувшей четверти века в Стране Советов, поставленная под гасильник большевистского террора!

Но писатели, переставшие быть "солью земли" и задохнувшиеся в марксистских намордниках!

"Вы - соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой? Она уже ни к чему негодная, как разве выбросить ее вон на поприще людям".

Стоит ли говорить о ней?

Стоит, ибо судьба русских писателей минувшей четверти века была трагичной - у многих, драматичной - у всех (лакеи от литературы не в счет), а драма и трагедия человечества - всегда стоят пристального внимания.

Стоит, ибо

Писатель, если только он

Волна, а океан - Россия,

Не может быть не возмущен,

Когда возмущена стихия.

Стоит, ибо если литература даже и не волна, а лишь ничтожная капля в народном море, то и в малой капле вод отражается солнце мировой истории.

Стоит, ибо писательские судьбы в Стране Советов, за четверть века отражают в себе судьбы целого народа.

Чтобы узнать вкус воды - достаточно нескольких капель.

Такие капли - отдельные очерки этой книги, и чем мельче отмеченные здесь бытовые черточки - тем они характернее. И не только стоит их собрать, но необходимо заняться этим именно теперь, "по свежим следам": пройдет еще

четверть века - и никто не поверит тем фантастическим историям, участниками которых были мы.

И однако, по слову поэта - "все это было, было, было"...

1942-1943 ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ДВЕ ЖИЗНИ СУЛТАНА МАХМУДА

Среди чудесных сказок "Тысячи и одной ночи" есть одна под заглавием "Две жизни султана Махмуда". Пришел к султану дервиш, предложил ему сесть в бассейн с водой и погрузить голову в воду. Чуть только сделал это султан, как очутился на каком-то острове, посредине бушующего моря, да к тому же еще (ужасная вещь для почитателей Корана!) султан Махмуд оказался превращенным в женщину! Ею овладел откуда-то взявшийся грубый мужлан, и она (султан Махмуд!) год за годом нарожала ему восемь человек детей... И так далее, и так далее, час от часу не легче, с нарастанием кошмаров этой второй жизни султана Махмуда, А когда, наконец, он поднял из воды погруженную в нее голову - оказалось, что эту вторую свою жизнь султан Махмуд прожил в течение нескольких секунд...

История султана Махмуда (с одним "маленьким" изменением...) повторилась да только наоборот! - с нами, со мной и с моими сверстниками, ровесниками Александра Блока и Андрея Белого, вступившими в XX век - в 1901 год - как раз в год своего совершеннолетия (оно тогда считалось в 21 год). Пришел к нему дервиш - имя ему было Революция - и в 1917 году мы погрузили головы в воду... а когда, задышавшись, вынырнули, то, оказалось, прошло не несколько секунд, а страшно сказать! - целых двадцать пять лет, четверть века. Когда мы погрузили в воду головы, нам не было и сорока лет, каждый из нас был (по вежливому французскому выражению "un jeune homme de quarante ans") были мы молодыми людьми, а очнувшись от второй жизни султана Махмуда (те, кто уцелел и очнулся) - в возрасте за шестьдесят!

Стояли мы в свое время за "углубление" политической революции до социальной; мы - это наша литературная группа, так называемые "скифы" (по имени двух сборников такого заглавия, вышедших в 1917 году) - Александр Блок, Андрей Белый, Николай Клюев, Сергей Есенин и немногие другие. Скажу о себе: еще в самом начале февральской революции я напечатал статью "Вольга и Миккула"(вошла в мою книгу "Год Революции", 1918 г.) - о революции политической и социальной, - и не склонен считать ее ошибкой. Ошибка была, да только совсем в ином плане. Социальная революция висела в воздухе, доказательством чего являются и Италия 1920 года и Германия 1933 года. Ошибка была в другом. Как мог я, всю свою литературную жизнь боровшийся с русским марксизмом, да еще в лице самого умного его представителя, Георгия Плеханова, - как мог я на минуту поверить в возможность хотя бы временного "пакта" с большевизмом, с его обманной "диктатурой пролетариата", с его компромиссами и всем тем, что восхищает его сторонников: "нет краше зверя сего!" Зверь сей сумел, сперва прикинувшись лисой, по одиночке проглотить всех: в январе 1918 г. учредительное собрание и правых эсеров, в апреле анархистов, в июле - левых эсеров... Да что там эсеры! Вот и четверть века прошло, а лисий хвост и волчья пасть остаются верны себе: теперь зверь сей пытается обмануть Черчилля с Рузвельтом...

Политика - случайная для меня область, а потому перехожу к примерам из дел литературных, которые лучше всяких теорий расскажут о второй жизни

султана Махмуда за эти жуткие четверть века. Начну хотя бы с красочной истории самой "Тысячи и одной ночи, - истории как раз на тему сказки; только сказка сказкой, а здесь пойдет быль.

Жил был человек, влюбленный в книгу; звали его Кроленко (не смешивать с знаменитым народным комиссаром Крыленко, ныне расстрелянным или вообще исчезнувшим с лица земли). Дело было в самом начале НЭПа, о котором Ленин сказал, что она ("новая экономическая политика") вводится "всерьез и надолго". Наивные люди поверили - в числе их и энергичный молодой Кроленко, основавший в эти годы издательство "Академия". Верное чутье прирожденного "книжника" подсказало ему, в какой области книге суждены успехи в эти годы усталости от успехов революции. Разгром Деникина, разгром Колчака, разгром интервентов, разгром за разгромом

А в душе истома,

И как будто тошно...

Так, вероятно, тошно было султану Махмуду рожать восьмого ребенка... "Зарыться бы в свежем бурьяне, забиться бы сном навсегда!"

Книжник Кроленко чутко понял, что в эти годы НЭПа, в годы усталости от революции, три разряда книг имеют шансы на успех, и в первую очередь мемуарная литература (забиться бы в рассказах о прошлом!). И он начал в "роскошных изданиях" - и с громадным успехом - издавать и переиздавать мемуарную литературу XIX века.

Вторая удача его чутья: он понял, что в середине двадцатых годов, после десяти лет революции, среди "актуальнейших" пролетарских романов, вроде "Фабрики Рабле", честного, но бесконечно бездарного пролетария Михаила Чумандрина, романы которого критика (печатно!) ставила выше "Войны и мира"...

Прерываю себя на полуфразе, чтобы вспомнить, как однажды потряс меня мощный образ первых же строк одного из многочисленных романов этого соперника Льва Толстого: "Наденька вышла на балкон, опираясь на тяжелые дубовые перила", - которые она, бедная, очевидно, так и таскала, очевидно, за собой по всей квартире, из комнаты в комнату, словно палку...

Так вот, чуткий издатель понял, что в эпоху таких даже грамматически беспомощных и абсолютно бездарных сюжетно и композиционно пролетарских Львов Толстых величайшим успехом среди приунывших читателей должен пользоваться такой несомненный сюжетно-композиционный гений, как Александр Дюма (отец). И издатель стал выпускать "в роскошных изданиях" и - надо отдать ему справедливость - впервые в хороших переводах роман за романом Александра Дюма. Успех превзошел все ожидания.

Наконец - третий разряд книг, которые могли рассчитывать на успех в эти годы утомления от победоносного, дубоватого и плоско-прозаического русского марксизма: запретная область СКАЗКИ. К слову сказать, отношение к ней марксизма с годами являло "ряд волшебных изменений милого лица", но это пока выпадает из моей темы. И тут молодой издатель решил, не ограничиваясь изданием отдельными томами областных и национальных сказок, с особенной роскошью выпустить в свет впервые на русском языке полную "Тысяча и одну ночь", переведенную не с французского языка, да еще с сокращениями, как это бывало раньше, а с арабского подлинника и с возможной полнотой. Перевод

текста был заказан одному молодому ученому, под редакцией академика Крачковского, а "оформление" книги - стилизованная графика - предоставлено было художнику Ушину, довольно удачно справившемуся с поставленной перед ним задачей. Особенно поражала российского читателя суперобложка, блестящая золотом, серебром и всеми лакированными красно-синие-желтыми тонами радуги. Впрочем зачем я все это рассказываю? Издание это (в восьми томах) дошло и до Европы, а в советской России представляло библиографическую редкость, котируясь у букинистов (государственных, конечно) в 1.200-1.500 рублей за все издание. Кстати сказать: собрание сочинений Александра Дюма в ужасном издании Сойкина стоило и того дороже: 2.500-3.000 рублей...

Государственное Издательство ревниво следило за успехами издания мемуарной литературы (как это раньше само не догадалось!), но мужественно перенесло эту удачу частного издательства: ведь НЭП - "всерьез и надолго", ничего с этим не поделаешь! Терпение стало истощаться, когда Александр Дюма в роскошных изданиях и с блестящим успехом продефилировал на книжном рынке. Кстати - и НЭП стала немного колебаться... Но когда появился первый том "Тысячи и одной ночи" и произвел сенсацию - терпение исчерпалось! Для чуткого издателя (не будь чутким!) началась вторая жизнь султана Махмуда.

Значит: пожалуйста в ГПУ! Этому органу власти пришлось волей-неволей арестовать издателя и убедительно объяснить ему все неприличия его поведения. Сравнительно с другими случаями - дело кончилось быстро и благополучно: издатель "просидел" сколько-то месяцев, никуда не был ни сослан, ни выслан (редкий случай!), но зато убедился в полной анти-государственности своего поведения и "добровольно" решил, что издательство его, "Академия", должно именно под этой, зарекомендовавшей себя маркой, стать неразрывной частью Государственного Издательства (что и случилось), а сам он, издатель, может отныне заниматься чем хочет - кроме, конечно, издательства...

Академия после этого существовала еще лет десять, как составная часть Государственного Издательства, а обкраденный государством издатель мог на досуге вспоминать сказку из "Тысячи и одной ночи" о двух жизнях султана Махмуда...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О САМОМ СЕБЕ

(История тоже не без фантастики)

Писать о самом себе - и трудное, и скучное дело, но так как и мне пришлось быть одной из иллюстраций к фантастической истории султана Махмуда, то, преодолевая скуку и трудность, скажу несколько слов о себе самом.

Никогда не был я членом какой бы то ни было политической партии, но всю свою литературную жизнь продолжал (а по мнению ГПУ - даже "возглавлял") то направление народничества, которое определяется именами Герцена, Чернышевского, Лаврова и Михайловского. К началу XX-го века направление это политически оформилось в партию социалистов-революционеров ("эсеры"), и мне довелось "возглавлять" литературные отделы их журналов и газет ("Заветы" 1912-1914 гг., "Дело Народа" 1917 г.). Когда эсеры осенью 1917-го года раскололись на "правых" и "левых", то в газете последних "Знамя Труда" и в журнале "Наш Путь" я опять таки был редактором литературных отделов. Имя мое было, конечно, занесено на черную доску ЧК, ГПУ и прочих органов власти победоносного марксизма. Однако после убийства Мирбаха и разгрома "левых эсеров"

в июле 1918-го года меня еще временно оставили в покое.

Только в феврале 1919-го года последовал первый мой арест в Царском Селе органами ЧК по обвинению в не существовавшем "заговоре левых эсеров"; через день были арестованы - по адресам в моей записной книжке - Александр Блок, Алексей Ремизов, Евгений Замятин, художник Петров-Водкин, проф. С.А. Венгеров, М.К. Лемке и многие другие столь же ни в чем неповинные писатели (к слову сказать - история пребывания Александра Блока в недрах ЧК закреплена в книжке "Памяти Александра Блока", изданной Вольной Философской Ассоциацией в 1922 году; о том, чем была "Вольная Философская Ассоциация" - Вольфила - в эти годы еще расскажу особо). Всех их выпустили после кратковременного пребывания в стенах ЧК, а меня увезли в Москву, на "Лубянку" (центральная московская Тюрма ЧК, ГПУ, НКВД - вплоть до нынешних дней). Фантастическая история этого путешествия и пребывания в подвалах "Лубянки" - заслуживает подробного рассказа, которому здесь не место; скажу только, что на этот раз фантастическое "дело" закончилось благополучно - и султан Махмуд вынырнул через две недели на свободу, с обещанием, что его впредь не будут "зря беспокоить" ...

Обещание это органы власти держали чуть не полтора десятилетия; но возможность настоящей литературной работы была с тех пор почти совершенно отрезана. Когда в 1923-м году вышла в свет - с великими трудностями и цензурными купюрами - моя книга, посвященная творчеству Александра Блока и Андрея Белого ("Вершины"), то петербургские цензурные держиморды тут же объявили издательству ("Колос"), что впредь мои книги не будут разрешаться независимо от их содержания. И действительно, после этого ни одна из моих книг не была пропущена цензурой (в том же издательстве - книги "Россия и Европа", "Оправдание человека" и другие).

Правда, заниматься "литературоведением" и библиографией мне было дозволено. В 1926-1927 году я редактировал шеститомное собрание избранных сочинений Салтыкова-Щедрина и поместил в нем 30 печатных листов подробных комментариев (связанная с ними фантастическая история - тоже впереди). В 1930-м году выпустил в свет сборник "Неизданный Щедрин", и в том же году московская цензура пропустила - снова с великими трудностями - I-ый том моей монографии о жизни и творчестве Салтыкова-Щедрина (II-ой и III-ий тома погибли в годы моих тюрем и ссылок). Наконец, в том же году началось по моему плану издание двадцатитомного полного собрания сочинений того же Салтыкова, - как видите, мне пришлось специализироваться на одном авторе, так как свои пути были начисто отрезаны.

Впрочем - не совсем. С 1930-го года редактировал двенадцатитомное собрание сочинений Александра Блока; за три года, до весны 1933-го года, успел приготовить, а "Издательство Писателей в Ленинграде" успела выпустить первые семь томов (стихи и театр). Последние пять томов (проза) обработать не успел, так как в начале 1933-го года был арестован - и начались многолетние скитания по тюрьмам и ссылкам. К семи томам стихов и театра Блока написал до 50-ти печатных листов комментариев (основанных на изучении рукописей), но еще до моего ареста они, уже набранные, сверстанные и отчасти напечатанные, были, по приказу ГПУ, вырезаны из издания и погибли. Впрочем - тоже не совсем. Сменивший меня на посту редактора (после моего ареста) молодой "коммуноид"

Владимир Орлов щедрой рукой черпал из предоставленного ему издательством корректурного экземпляра моих комментариев для последующих изданий Блока. Он оказался достаточно грамотным переписчиком.

А для меня начались годы сидений и скитаний. Рассказ о них - дело длинное и особое; здесь лишь - краткая наметка основных вех.

1933 год: с февраля восемь месяцев сидения в одиночной камере ДПЗ (Дома Предварительного Заключения), а потом ссылка на три года в Новосибирск, вскоре замененная ссылкой на такой же срок в Саратов.

1936 год: "по отбытии ссылки" - разрешение поселиться в Кашире, но отнюдь не вернуться домой, к семье, в Царское Село.

1937 год, сентябрь: арест в Кашире, перевод в Москву, в Бутырскую тюрьму, в общие камеры, где пребывал год и три четверти.

1939 год, июнь: освобождение, без новой ссылки, но и без права вернуться домой, в Царское Село. Удавалось бывать там только хитростью, прописываясь "временно".

Так прошло время до начала войны и до занятия германскими войсками Царского Села 17 сентября 1941 года.

Обвинения?

1. Был "идейно-организационным центром народничества" (обвинение 1933-го года).

2. Продолжал после ссылки "контрреволюционную деятельность" в Москве, проживая в Кашире (обвинение 1937-го года).

3. Покупал в 1921-м году берданку, готовя вооруженное восстание против советской власти (обвинение 1937 года).

4. На втором Съезде Советов, в апреле 1918 года, произнес антибольшевистскую речь и "был стащен за ногу с кафедры одним из возмущенных коммунистов, ныне готовым подтвердить свои слова на очной ставке" (обвинение 1938-го года).

Не привожу всех таких обвинений (десятки!), столь же серьезных , но остановлюсь еще на одном, самом замечательном, однако требующем небольшого предисловия. А пока скажу: само собой понятно, что берданки я никогда не покупал ("и как это вы не понимали, что нельзя же берданкой бороться с танками!" - играя в наивность, удивлялся следователь); на Съезде Советов вообще не был (хотя достоверный лжесвидетель и стащил меня там за ногу с кафедры; "контрреволюционная деятельность" моя в Кашире и Москве заключалась, очевидно, в комментировании большого тома (40 печатных листов) для Государственного Литературного Музея в Москве - "Письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику 1912-1932 гг." Но самое фантастическое обвинение - впереди; к нему, однако, и требуется небольшое предисловие.

В камере № 113 Бутырской тюрьмы, в конце 1936-го года, сидело нас не так много - всего человек 60 на 24 места; среди нас один моряк, который служил свыше года в Париже, в торговом секторе полпредства; а полпредом (т.е. послом) был тогда "товарищ Потемкин", к началу 1939-го года ставший заместителем и помощником Молотова (а может быть к тому времени уже дисквалифицированный и назначенный народным комиссаром просвещения РСФСР, не помню). Так вот, моряк этот вернулся как-то вечером с допроса в очень подавленном настроении и с явными признаками на лице весьма веских "аргументов" следователя.

Впрочем, он был подавлен не самым фактом этих аргументов, а своим "добровольным" признанием в том, в чем он был столь же виновен, как я в покупке берданки. А именно: он признался, что в 1937-м году, в Париже, полпред Потемкин организовал среди членов полпредства боевую троцкистскую организацию, в которой и он, моряк, принимал участие...

Конечно, все это фантастично: фантастично то, что органы НКВД составляют лживый протокол о человеке, являющемся в это же самое время заместителем комиссара по иностранным делам; еще фантастичнее то, что такому протоколу не дается никакого хода. Он остается лежать в делах НКВД - "на всякий случай": авось пригодится, авось можно будет арестовать и товарища Потемкина, так вот обвинение уже и готово, и достоверный лжесвидетель налицо...

"То ли еще бывало!" - в эти ежовские времена...

После этого предисловия возвращаюсь к обвинению против меня; помню, что оно было предъявлено мне в виде новогоднего подарка 31 декабря 1937-го года:

"В апреле 1936-го года, временно пребывая в Ленинграде, имел в подпольной явочной квартире свидание с академиком Е.В. Тарле, с которым вел беседу по поводу участия в ответственном министерстве после свержения советской власти".

Та же история, что и с Потемкиным. Академика Тарле я никогда в жизни не видел, ни "подпольно", ни "надпольно", даже портрета его не видал - и не знаю: с бородой он или бритый, с шевелюрой или лысый... Но представьте себе, что я согласился бы показать все то, что требовал следователь: в архивах НКВД лежало бы готовое обвинение, если бы представился удобный случай изъять из обращения академика Тарле. А я по наивности подумал тогда, что почтенный академик, обвиняемый в таком преступлении, наверное уже арестован... Ничуть не бывало! Он и не подозревал, какие сети хочет сплести вокруг него НКВД, благоденствовал и продолжает благоденствовать даже до сего дня.

Повторяю: все это на грани фантастики: но ведь в Стране Советов всем известно, что девяносто девять процентов обвинений, предъявляемых ЧК, ГПУ, НКВД, Гособезом или как бы они там ни назывались - сплошная ложь, фантастика, никого из обвиняемых не удивляющая.

В заключение - существенная оговорка: да не подумает читатель, что, рассказывая обо всем пережитом, я считаю себя страдальцем, столь жестоко претерпевшим от советской власти: годы тюрем и скитаний! В том то и дело, что сравнительно с другими (миллионами!) претерпел я очень мало: не был приговорен к изолятору, не сидел в концлагерях, в ссылке был в больших городах, во время допросов никогда не подвергался никаким веским "аргументам" следователя, многие ли могли этим похвастаться? Конечно - европейские понятия о праве совершенно иные; но ведь я рассказываю о жизни в Стране Советов, где моя судьба была еще одной из легчайших.

Чтобы закончить о себе - скажу еще о событиях самого последнего времени. За четыре десятилетия моей писательской деятельности я постепенно "обрастал" книгами; один небольшой шкаф с книгами обратился к 1941 году в одиннадцать больших шкапов с десятью тысячами томов. Одновременно с этим в течение ряда лет и десятилетий накопился очень большой литературный архив, с драгоценными рукописными материалами (Блок, Белый, Сологуб, Ремизов, Клюев,